

РЕТРОСПЕКТИВА

В.В. РАДАЕВ

«...ЗАНИМАТЬСЯ НЕУТИЛИТАРНЫМИ ВЕЩАМИ»

Как формировалась ваша профессиональная карьера? Первый вопрос касается ваших школьных лет. В какой семье вы родились, как воспитывались, как сформировались ваши интересы?

Я воспитывался в профессорской семье. Мой отец был профессором экономического факультета МГУ и в течение многих лет возглавлял одну из кафедр. Он был доктором экономических наук. Моя мать также была кандидатом экономических наук. Она работала и по-прежнему работает редактором. Несомненно, это создавало определенную интеллектуальную среду. Соответственно, друзья и знакомые нашей семьи были выпускниками МГУ. Многие из этих людей — большинство из них экономисты — стали очень известными...

Вы родились в Москве?

Нет. После университета отец был распределен в Сибирь, в Томск, но к тому времени, как я себя помню, мы уже переехали в Подмоскowie и школу я заканчивал в Московской области — в Химках. Это была обычная школа, то есть в ней не было никакой специализации. Вероятно, это была не самая плохая школа, но, в общем, ничего особенного. То обстоятельство, что родители были учеными, во многом обусловило то, что они были очень занятыми людьми, и я был во многом предоставлен сам себе. Соответственно, мои интересы формировались довольно спонтанно. Долгое время я увлекался спортом, музыкой, отчасти математикой — абсолютно без какого-либо давления извне. И на экономический факультет МГУ я стал поступать не потому, что меня кто-то подталкивал, или учил так делать, а как бы от противного. То, что и как преподавалось в школе, не очень-то вдохновляло...

В каком году это было?

Я закончил школу в 1978 году и прочитал пару книг по политэкономии, случайно. Опять же, мне их никто не давал, и я подумал, что вот это может быть оно самое... Конечно же, в этом присутствовал значительный элемент

Радаев Вадим Валерьевич — доктор экономических наук, завкафедрой экономической социологии, проректор Государственного университета — Высшей школы экономики. Адрес: 101978, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Телефон: (095) 928-48-86. Электронная почта: radaev@hse.ru

инерции: папа — экономист, мама — экономист. Они меня к экономике не подталкивали, но я с детства был уверен, что я очень хорошо закончу школу, поступлю в университет, потом буду преподавателем. Такая вот инерция. Самое смешное, что все так и вышло. Я действительно очень хорошо окончил школу, как медалист спокойно поступил в университет и т.д. Жизнь, особенно, до конца 80-х годов, никаких неожиданностей не предлагала. Абсолютно все шло по наезженной колее. Никаких альтернатив.

Какая специализация была в университете?

Политическая экономия. Была альтернатива: записаться на модную «зарубежку», на которую меня взяли бы. В общем-то такая возможность была, но я был гордый, принципиальный. Решил на «зарубежку» не идти, а пойти на политэкономия, которая была тогда главным предметом. Во многом это определило и мой последующий путь, потому что политэкономия преподавалась в университете довольно специфически. Я попал на основную кафедру, преподаватели которой занимались методологией и метатеорией, это было нечто вроде философствования в экономике. У меня хорошо шла математика и от математических упражнений я пришел к логическим упражнениям. Вдоль и поперек, вширь и вглубь я знал «Капитал», который преподавался в немереных количествах часов. Увлёкся философией, совершенно поленински штудировал «Науку логики» Гегеля. У меня была толстая — за 44 копейки — тетрадь, исписанная мелким почерком — конспект первых двух томов. На третьем томе я подсел... Я очень много читал философских трудов. Как и многие на экономическом факультете, был поклонником трудов Ильенкова, посещал кружок Вазюлина. Ильенков был тогда очень популярен. Он умер, когда я переходил на второй курс, я его не видел. Читал Николая Кузанского, экзистенциалистов. Методология мне безусловно нравилась и это было очень престижным делом, но я решил, что буду заниматься нашей страной, поэтому не пошел на зарубежку. У меня все время была какая-то неудовлетворенность, хотелось прорыва к наблюдаемому факту. Эти упражнения были интересны, но они были довольно абстрактны. Тогда мне уже начало казаться (и не мне одному), что политическая экономия «подвисла», у нее нет эмпирической базы и нет никакого инструмента, чтобы эту эмпирическую базу формировать. Я занялся проблемой воспроизводства уже на старших курсах, тема эта была связана со статистикой оборота фондов. Я очень быстро понял, что и статистика никаким требованиям не удовлетворяет. Она недостаточна, там ничего не сходится. Главное, что она не отвечает на вопросы, на которые хотелось бы ответить, и никак не помогает в строительстве высоких теорий, впрочем, и не опровергает их. Этот недостаток фактического материала меня очень беспокоил. На самом деле (я, может быть, сильно забегаю вперед) впоследствии эмпирический материал и определил мой сдвиг в сторону социологии. Сейчас я задним числом понимаю, что дело обстояло именно так.

Я само собой с отличием закончил экономический факультет, тут же сразу аспирантуру экономического факультета по кафедре политэкономии, в ноябре 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию «О сущности противоречий в интенсификации социалистического производства». Защитил диссертацию досрочно. Она было очень умная. Я гордился тем, что в заглавие было вставлено (с трудом) слово «противоречия» — по отношению к социа-

листическому обществу. Это было большим делом. Кстати о диссертации. Это было, видимо, неплохо выполненное логическое упражнение в постгегелевском стиле: доказывалось, что противоречия интенсификации развиваются сами из себя и одно противоречие триадами разворачивается в другое. Такое марксистское упражнение...

Повлияли ли на вас идеи оптимального планирования?

Разумеется, я читал, работы Шаталина и других сотрудников ЦЭМИ, но тогда они не очень котировались среди политэкономов. Была довольно оживленная дискуссия в журнале «Экономические науки» и других журналах о пользе и вреде математических методов в экономике. Но методологи стояли на первом месте... Тогда я к математике сильно охладел, перестал ей заниматься. Для меня логические связи, обнаружение законов (тогда все открывали законы) было важнее. Поэтому СОФЭ¹ не очень на меня повлияло, хотя я интересовался этим направлением.

А кто были вашими научными руководителями?

Дело в том, что как раз ведущие ортодоксальные политэкономы и были в определенные периоды моими научными руководителями. Сначала моим научным руководителем была Евгения Васильевна Красникова. Она может быть не столь известна, но она была частью этой традиции. Очень хорошая и умная женщина. Потом меня у нее директивно-авторитарным способом отобрали. А отобрал глава всей политэкономической школы Николай Александрович Цаголов — человек, который создал, а затем долгое время воспроизводил научную школу — со всеми ее атрибутами. Человек очень влиятельный, оригинальный. Общение с ним для меня тоже было своего рода школой (в миниатюре). Когда я был на втором году аспирантуры, Цаголов умер и меня записал к себе (не спрашивая) Виктор Никитич Черковец, тогда декан экономического факультета. Черковец — одна из самых видных фигур ортодоксального крыла политической экономии. Я имел возможность непосредственно общаться с ними лично. Я уже не могу сказать, что они были моими учителями. В свое время я очень много читал их работы, и несомненно это отразилось на мне. Но тогда я уже смотрел на все это под углом 45°, они производили на меня впечатление скорее человеческого, чем научного, в меньшей степени выступали как научные учителя. Я слушал их как руководителей, которые говорили мне, что такое хорошо и что такое плохо. Но я не ждал от них того, чтобы они посоветовали мне, какое теоретическое направление выбрать. В теоретическом отношении учителями, к сожалению, я уже не мог их назвать. Вскоре я оказался у другого видного человека, который был их идейным противником, довольно жестким оппонентом, — у Леонида Ивановича Абалкина. Они между собой сильно не ладили, что было общеизвестно.

После аспирантуры у меня три или четыре месяца не было работы... Я окончил аспирантуру, защитился, и меня сразу отчислили. Я стал искать работу. Тупо искал преподавательскую работу, и тут выяснилось... Я был уверен, что меня возьмут на экономический факультет МГУ, и в общем-то все к тому шло. Все говорили, какой золотой парень, если кого-то брать, то только его, а потом раз!..., ректор Логунов взял да и не подписал приказ о зачисле-

¹ СОФЭ — система оптимального функционирования социалистической экономики.

нии, что было для меня ударом. Никто ничего не понимал, включая людей, которые меня рекомендовали... Я был несколько обижен не самим фактом отказа, а тем, что люди, которые ко мне хорошо относились и предлагали мне работу, в общем-то не особо боролись за то, чтобы поправить ситуацию: нет так нет. Только через какое-то время я узнал, что имел в виду ректор. Он собирался переводить на факультет моего отца, а этого еще никто не знал, поэтому он и не подписал приказ. Ну и слава богу. Потом, как выяснилось, мне повезло, что я не остался на факультете. Наверно, так нехорошо говорить? Я очень благодарен экономическому факультету за восемь лет учебы, за тех, с кем я учился, с кем я продолжаю работать, но хорошо, что я там не остался. Я начал искать другую работу — по инерции искал преподавательскую работу, побывал в трех-четыре местах и понял, что это довольно тоскливое зрелище — кафедра политэкономики в средних вузах. Это было видно даже при первом приближении. Тоска охватывала еще на пороге. Один из заведующих кафедрой (он был другом моего отца, не буду называть его имени, тем более что он ушел из жизни) сказал мне после того, как долго уговаривал меня к нему идти, расписывал, как все здорово на кафедре: «Вы знаете, вообще-то не надо сюда идти. Вам здесь не место». В итоге начались более интересные вещи. Я оказался в Институте экономики АН СССР.

В каком году это было?

Это был март 1987 года. Забавно, что меня проектировали в один отдел, числился я в другом, а оказался в третьем. Причем по тематике отделы не имели между собой ничего общего. А взяли меня в так называемый директорский сектор — «молодежный». Этот особый сектор создал директор института и подчинялся сектор только директору. В этом подразделении работали тогда Сергей Толстиков, Владимир Громковский, Ирина Стародубровская (сейчас она во Всемирном банке, а первые двое в бизнесе). Директор набирал туда способных людей. Я был четвертым. Потом в этом секторе оказалось семь человек, включая нынешнего ректора Высшей школы экономики, одного из видных деятелей общественного движения «Яблоко». Каждый занимался своим делом, каждый был очень способен, амбициозен. Никого из нас не надо было заставлять что-либо делать, а директорский сектор был для нас крышей, которая спасал от жесткой (как я вскоре выяснил) линейной академической структуры: когда начальник распределял темы, заставлял тебя к какому-то сроку что-то делать. Абалкин долгое время был моим руководителем. Опять же я не могу сказать, что он был учителем в научном смысле. В свое время я читал много его трудов, но в конце 1980-х годов я уже не мог сказать, что учусь у него. Однако я ему очень благодарен как достойному человеку и руководителю, который способен широко смотреть на научную проблематику и видеть завтрашний день. Тогда он вывел несколько молодых людей из жесткой академической системы, фактически сказал им: «Занимайтесь, чем хотите, вас никто не тронет». Мы, конечно, что-то писали, но не по заказу. (Л.И. Абалкин, в отличие от многих боссов, всегда писал и пишет сам. Разумеется, он использовал наши темы, но писал сам — огромное количество трудов.) Нас не надо было подгонять. Со стороны на нас косились, но ничего не могли сделать, потому что мы были прикрыты директором. Так замечательно все продолжалось. Потом Абалкин ушел в правительство, а мы продолжали творить, но в какой-то момент был

поставлен вопрос о руководстве сектором: это все-таки сектор или полный бардак? Меня попросили исполнять обязанности заведующего. Это был мой первый опыт руководящей работы, может быть, не вполне удачный. Я вынес из этого немало уроков. Представляете? Семеро «супчиков», каждый из которых,.. В общем, их надо было в какую-то организационную рамку вводить. Я быстро обломался на некоторых, попытавшись сделать какие-то резкие движения, быстро обучился некоторым принципам коллективной работы, руководства профессиональными микросообществами. Поверьте, много уроков я из этого извлек. Кстати, параллельно я начал преподавать. Я все-таки считал, что должен быть преподавателем. Когда я хочу поразить кого-то из молодых коллег, я говорю им, что преподавать я начал с 1979-го года. На втором курсе я начал преподавать в экономико-математической школе. С тех пор каждый год делал это с очень редкими перерывами. Когда я закончил аспирантуру, я тоже преподавал. Это были второстепенные вузы, но, тем не менее, я каждый год читал 1-2 курса. На почасовке. Читал я политэкономии и социализма и капитализма... Делал это не из-за денег (деньги были небольшие), а для того, чтобы держать форму. Этот принцип сохранился у меня по сей день. Я всегда, независимо от обстоятельств, читал один или два курса. А преподавали у нас в Академии наук очень немногие. Из четырехсот человек может человек двадцать — остальные просто не хотели. Были некоторые ограничения, поскольку для того, чтобы работать по совместительству, надо было получить разрешение дирекции. Но на самом деле не было желающих. Так что сначала я преподавал политическую экономию.

А потом наступил некий перелом. Мы писали смелые перестроечные труды (уже перестройка шла) на темы, которые «старики» брать отказывались, во всяком случае, они смотрели на перестроечные темы с подозрением, а иногда тихо шипели. Какие темы? Бюрократизм, гражданское общество, отчуждение при социализме вообще и в Советском Союзе в частности. Все эти нео- и постмарксистские сюжеты появились на перестроечной волне и были для нас новыми и смелыми. Теоретическая база обнаруживалась, как правило, в молодом Марксе. Мы этим увлекались, гордились и писали как могли. Я не думаю, что тогда мы внесли какой-то вклад, но тем не менее... Для меня начался довольно важный переход, сдвиг. Он был связан с работой над книгой, которую мы начали писать в 1987 году и которая вышла в 1989. Мы писали ее вчетвером с Ярославом Кузьминовым, Эльвирой Набиуллиной и Татьяной Субботиной. Это была постмарксистская работа по теме, которую мы очень любили и которая была крайне популярна на экономическом факультете в советские годы: «отчуждение труда». Я писал о социализме. Это была в каком-то смысле самая ответственная часть книги, потому что мы собирались совершенно четко написать о том, что отчуждение при социализме все-таки есть — во всех мыслимых и немыслимых формах. Это и было написано. Книга «Отчуждение труда: история и современность» шла в печать непросто, хотя времена были уже перестроечные. Мы должны были ее пробивать, проталкивать.

Так вот, я отвечал за современность, за социализм. Неудовлетворенность чистой теорией подталкивала меня к необходимости поиска фактологической базы, и я стал довольно беспорядочным образом читать работы по социологии труда, содержащие данные о содержании труда, прежде всего

труда монотонного, рутинного. Тогда я был не в состоянии отличить авторов «классического» уровня от авторов второстепенных, то есть я начал читать В.А. Ядова наряду с другими сочинениями (не буду называть фамилии авторов). Мне были нужны факты. В конце 1980-х годов я не знал, что такое социология. Когда люди с загадочными лицами говорили: «О, это социологично, а это не социологично», я абсолютно ничего не понимал. Мне было страшно завидно, что они знают, а я нет. Тем не менее, мои коллеги с энтузиазмом восприняли социологические штудии. Они тоже интуитивно поняли, что тема требует именно такого рода фактуры, хотя речь шла не о теории, а, скорее, иллюстрациях и ссылках на отдельные факты. Такого рода иллюстративное использование социологической фактуры хорошо пошло. Я начал втягиваться в социологию, для меня смежную область. Это был первый этап в моем повороте к социологии, еще не вполне осознанном. Потом был второй этап. Я стал читать статьи Т.И. Заславской по стратификации, в которых доказывалось, что социальная структура советского общества сильно стратифицирована. Поэтому слова о рабочем классе, крестьянстве и народной интеллигенции ничему не соответствуют. Когда я прочитал об этом, у меня пробудился какой-то энтузиазм. Я Татьяне Ивановне за это благодарен. В результате чтения таких трудов и нахватывания других источников я написал свою первую работу по социальной стратификации — очень смелую, как тогда казалось, очень новаторскую. Она называлась «Соотношение социальных сил *чего-то там* в период перестройки». Она обсуждалась такими же дилетантами, как я, в Институте экономики. В действительности она вряд ли представляла собой что-то серьезное. Какая-то «постленинская» работа: берется ленинское определение, развертывается, а потом показывается, каким образом его можно применять к перестроечным реалиям. Очень важное событие связано опять же с Татьяной Ивановной Заславской. В каком-то из своих трудов она сослалась на мою стряпню. Вы понимаете? Академик Заславская! Что это означало... Люди останавливались в коридорах и, слегка понизив голос и склонив головы, жали мне руку и говорили: «Академик Заславская сослалась на вас». Сослалась на препринт какого-то молодого нахала. Я был горд этим обстоятельством, хотя и вообще был нагл, амбициозен. Но довольно скоро я понял, что про стратификацию ничего не знаю. Абсолютно ничего. Все, что я написал, было чистой отсебятиной. Примерно в это же время произошло и другое событие, которое сыграло большую роль в моей социологической переориентации. Меня познакомили с Овсеєм Ирмовичем Шкаратаном, который посмотрел мои эссе по отчуждению и стратификации. Когда нас познакомили, он пытался от меня отмахнуться и послать к Ракитскому, который стоял рядом, но тут я сказал про стратификацию, он заинтересовался, и началось наше сотрудничество, которое продолжалось в течение нескольких лет. Мы написали несколько «перестроечных» статей про теорию этакратизма (на них и сейчас ссылаются), которые были действительно неплохими перестроечными публикациями. Важно было, что Шкаратан, человек очень талантливый, разносторонний, очень опытный социолог во-первых, дал мне некоторый начальный ориентир в области литературы. Он элементарно показал мне, что существует масса книг по социальной стратификации, ни одной из которых я не читал, и дал мне несколько таких книг. По этим книгам я сформировал для себя дальнейшую библио-

графию. А потом он дал мне первое представление о социологическом сообществе, разъяснил, кто есть кто внутри сообщества, рассказал о противоречиях, конфликтах. Это были не столько консультации, сколько многочасовые беседы. Шкаратана я мог считать наставником, может быть, не учителем в собственном смысле слова, но наставником, который в переломный момент дал мне правильное направление движения, чтобы я не тыркался, как идиот. Это имело исключительно важное значение. В результате я стал читать как сумасшедший. Я брал книги из хорошей домашней библиотеки Шкаратана, ходил в Ленинскую библиотеку... Брал отпуска или командировки, ездил в академический пансионат на неделю, на десять дней, набирая с собой книги и читая с утра до вечера. Именно с утра до вечера. Выбегал на лыжах, возвращался и читал, конспектировал. Это «систематическое самообразование» продолжалось у меня несколько лет.

Да, в 1988 году я начал выезжать за границу. Меня стали приглашать на всякие экономические, социологические мероприятия. Начал знакомиться с людьми, понял, что у меня очень плохо с английским языком. Школа у меня была довольно средняя. Я чувствовал, что выгляжу бледно и не могу объяснить, то, что я хочу объяснить. А я в тот момент начал строить стратификационные пирамиды под Заславскую или под венгров, под Ивана Селейни, которых я успел где-то нахватать, подначитать. Поняв, что у меня с английским плохо, я начал систематично, со звериным упорством, заниматься языком, и в течение двух лет потратил много времени, но язык поднял и до сих пор пытаюсь его поднимать, но уже в практической работе.

Самостоятельная социологическая работа началась у меня в связи со второй шанинской школой, в 1990 году. Теодор Шанин организовал советско-британские летние школы для молодых ученых. Я подал заявку на конкурс, прошел, надо сказать, без труда, в первой шестерке или восьмерке. Язык я уже подтянул, а изобразить, что я умный и знаю про стратификацию, мне уже не составляло труда. Мне повезло, потому что это была лучшая школа...

Нельзя ли сказать несколько слов о шанинских школах?

В течение трех лет Шанин организовывал школы в Великобритании. Каждый год двадцать молодых социологов выезжало туда на три месяца. Что там происходило? Не только накачивание лекциями, книжками и прочее (хотя это очень важно). К нам приезжали десятки людей со всей страны читали лекции. Мы сидели в библиотеках. Нам давали немало денег на покупку книг, оплачивали поездки по стране, чтобы мы встречались с людьми. Это была мощная профессиональная и культурная школа. Некоторые из нас, молодых исследователей, не вполне это понимали. Я же был постарше многих и сумел это оценить, понял, что это было массивное систематическое «вливание». Что оно, собственно, дало? Сложилось определенное микросообщество довольно сильных людей. Во второй школе участвовали Олег Хархордин, Вадим Волков, Сергей Ерофеев, Лена Данилова, Светлана Сидоренко, Алена Леденева). Вероятно, у нас был самый сильный состав. Само по себе общение было очень важным. У нас читали лекции очень видные британские социологи. Я, как сумасшедший, ходил на все занятия, независимо от темы. Потом каким-то образом умудрялся еще и читать. Я уже тогда понял, что, если хочешь образоваться в новой области, надо читать доста-

точно широко. С тех пор у меня есть определенный принцип: хорошая книга по другой специальности, по другой теме, важнее, чем посредственная книга по своей теме. Таким образом я начал читать все, от Вебера до постмодернистов – книги, которые репрезентировали направление. Как я их находил? Лекторы помогли ориентироваться в книжном мире, а спустя три месяца у меня появилось первое представление о самом западном сообществе. Во-первых, уже не было идеализации, будто они не из плоти и крови, а ангелы белокрылые, небожители, такие все крутые. Совершенно обычные люди. Я начал встречаться с кем-то из местных классиков и относиться к ним совершенно трезво. Они умные, профессионально работающие люди. Понимание связи с конкретными людьми, того, как они работают, как строятся взаимоотношения в этом сообществе во многом сформировало мои дальнейшие ориентации. Тогда я наметил себе более систематическую программу – широкую программу чтения, которая состояла исключительно из хороших книг, а не выбранных случайно. Я с бешеным упорством начал интенсивно реализовывать эту программу. А что потом? Дальше был важен следующий шаг. По возвращении я начал делать одну работу за другой. Я продолжал читать лекции, и у меня начал формироваться авторский курс экономической социологии. И тут мне его где-то предложили читать. Сказали: «Мы не знаем, что это такое, но это интересно». Я не могу сказать, что хорошо представлял предмет экономической социологии, тем не менее, я записал этот первый курс на магнитофон, потом внимательно его начал штудировать. Этот был первый шаг по систематизации поля — в первую очередь для себя. Может быть, по отдельным темам я нес какую-то несурязицу. Но я много понял и начал продвигаться в этом поле и закрывать более-менее очевидные дыры. Одновременно с преподавательской практикой я все-таки узнал кое-что об эмпирической социологии. Минус состоял в том, что я ничего не мог делать в этой области, поскольку не владел ремеслом. У меня были крайне отрывочные сведения и об SPSS и о том, как делают анкету. Я мог ее делать как человек, обладающий здравым смыслом и довольно четко структурированной логикой, — не более того. Никаких правил... Мне был нужен учитель. Не гуру, а мастер, к которому, несмотря на свои амбиции, я бы пошел в обучение подмастерья, который бы меня научил делать работу руками. Я возлагал большие надежды на Овсея Ирмовича Шкаратана, который мне так помог в профессиональной ориентации. Он вроде собирался делать большой проект по социальной стратификации. Я был готов работать у него подмастерьем в прямом смысле слова, потому что видел, как много он знает, как много он уже успел сделать. Видел его методические материалы, выполненные исключительно добросовестно. К сожалению, тогда Шкаратан, как многие «шестидесятники», серьезно завяз в политике — он был советником правительства, в общем, играл в перестроечные дела, которые мне стали неинтересны, принципиально неинтересны. Я уже с перестройкой завязал. В 1990 году я вышел из партии. Я увидел, что уже нельзя заниматься общественно-политической деятельностью. У меня появились иного рода принципы, которых я придерживаюсь до сих пор. Никакой перестроечной болтовни, а занятие профессиональным академическим трудом. Шкаратан был искренне увлечен перестроечными делами, а я все ждал, когда же начнется тот самый большой проект. Наконец я понял, что могу не дожидаться. В этом смысле

Шкаратан не стал моим мастером. А никого другого я найти не мог. Мои связи с социологическим сообществом были слишком слабыми, я был неоптитом, способным молодым парнем, который лучше ориентируется в экономическом сообществе, нежели в социологическом. Потом я решил (плюс личные амбиции), что надо начинать собственное дело и в 1992 году основал свой сектор в Институте экономики. Это был сектор социальной структуры, экономической социологии. Директор дал мне карт-бланш – это еще одна вещь, за которую я ему благодарен. Он сказал: «Вам дается два года — делайте что хотите, посмотрим, что будет». Он сдержал слово. Чем мы занимались, никто не знал, нас не трогали. Правда потом, через два года выяснилось, что нам есть что предъявить. У меня появился веер публикаций про предпринимателей, и не только, но это было потом. Кто работал в секторе? Пять-шесть молодых людей. Все с экономфака МГУ и некоторым опытом работы в социологической области или, по крайней мере, пристрастием к социологическому труду. Из первой команды вскоре никого не осталось. Один уехал на постоянное место жительства в США, другой в Великобритании, третий во Францию. Кто-то в банк ушел. Но дело пошло: на смену уходящим приходили другие молодые, тоже с экономическим образованием, и они оставались, по крайней мере, на какое-то время. Сектор выжил и дело выжило. А что это было за дело? Я хотел выстроить исследовательский проект от голой идеи (а у меня уже были тогда идеи про предпринимателей). Я начал строить схемы, даже пытался выстраивать все методически, проектировать опрос, но мне не хватало опыта. Я нашел деньги на выборку предпринимателей, сначала в Мосгорстате, как они говорили, репрезентативную, потом я нашел какие-то деньги на сам опрос. Поскольку у нас не было ни конъюнктурных заказов, ни грантов, мы могли позволить себе очень долго делать эти исследования. Возвращались к одному вопросу по десять, двадцать раз...

В «новом российском предпринимательстве» меня интересовало все, начиная с самых простых вещей, но основная идея программы заключалась в попытке описания групп новых предпринимателей с позиций неовебериянской методологии, которая мне тогда очень нравилась. Что такое неовебериянская методология? Это плюралистический подход к стратификации, когда когда классовые позиции делятся на рыночные позиции, трудовые позиции, статусные позиции, и все это переплетено. Статусные позиции тоже разбиваются на три слоя, но, главное, что все это принимает более или менее операциональную форму. Мы разрабатывали инструментарий стандартизованного анкетного опроса. Неовебериянскую схему мы пытались «загнать в анкету». В этой работе участвовали Маша Шкаратан, Галя Булычкина, чуть позже присоединилась Яна Рощина (она и сейчас работает со мной). Работали, надо сказать, на чистом энтузиазме, денег ни черта не было, никакого социального заказа не было, но была чрезвычайно важная для меня работа. Шел процесс самообучения для всех нас и для меня. Я наконец-то стал понимать, что нужно делать. Многого не зная, я должен был отвечать за все и был вынужден решать эти вопросы. Если бы кто-нибудь мне объяснил все это заранее, я бы сэкономил время и силы. Но мне никто не объяснял, я сам наткнулся на конкретные проблемы и тем прочнее это входило мне в сознание. Поскольку мы работали с чудовищной добросовестностью и не торопились

сдавать результаты, это была меня хорошая школа, где я формально был начальником. Но это не играло никакой роли. Мой голос имел почти такой же вес, как и голоса других. Мы набирались опыта. Потом я познакомился с Сашей Крыштановским, попросил его помощи, и он (спасибо ему большое) прочитал нам систематический курс SPSS. Благодаря этому я начал понимать, как анализировать данные и сразу стал пытаться что-то делать сам. Я не спец в анализе данных, но многие вещи могу делать сам и делаю сам, у нас не так, что «один считает, другой пишет». Такой ерунды у нас не было и нет. Так же получилось с анкетированием. С первой анкетой мы пришли в Ольге Михайловне Масловой по протекции Крыштановского (я не знал никого). Она нам дала массу важных советов и мы это учли.

Так мы сделали этот проект, затем следующий, потом я сделал инициативный проект в одиночку. Все выполнялось без денег — из интереса. Я делал опрос экономистов-теоретиков, опрос по занятости студентов экономфака по репрезентативной выборке. Это был единственный опрос, в котором соблюдена репрезентативность. Я делал проекты от и до: от голой идеи, через программу, инструмент, который я делал руками, сочиняя вопросы. Когда было выполнено 5-6 проектов, очень разных, я почувствовал, что начал что-то понимать. Я, конечно, не читаю курс по методам и не собираюсь его читать, на это есть специалисты. Однако студентам, которые приходят ко мне, я уже систематически и детально могу объяснить, почему вопросник, который они предлагают, не является идеальным. По любому вопросу, кроме вопроса «Ваш пол мужской или женский?» я мог предъявить методические претензии, во многом опираясь на собственный опыт.

Я продолжал заниматься социологическими теориями, читать классическую литературу, расширять свою «рамку». У меня была изначальная ориентация на оригинальную литературу, на так называемые первоисточники. Я всегда старался читать первоисточники, а не «второисточники». И моя работа разделилась на две части: теоретическую и эмпирическую (связанную с предпринимателями). Две эти работы долгое время не сходились, отчасти и сегодня находятся как бы в разных плоскостях. Я уже потом понял, что связь между теориями и наблюдаемыми фактами намного сложнее, чем я думал вначале. Стихийно получилось, что у меня эти две вещи разошлись — занятия теорией отдельно, а занятия эмпирикой отдельно.

Если говорить о теории, кто были моими учителями? К сожалению, учителей мне не хватало. Это мой недостаток. У меня масса недостатков: нет базового образования в социологии, и мне не хватало учителей. У меня были наставники (например, некоторое время Шкаратан). Но основными моими учителями были книги. Теоретическую литературу я читал очень широко, но не беспорядочно. Брал только те книги, на которые выводили меня другие книги. Я понимал, что именно эти книги необходимо читать. Британцы мне многое подсказали, указывали на книги, не прочитав которые нельзя считать себя профессионалом. Но учителя, который бы наставил на путь, изменил нечто внутри головы, не было — об этом я сожалел всегда. У меня не оказалось и мастера в части ремесла. В результате я обучился ремеслу сам, сейчас я могу объяснить многое другим, но на это ушло столько времени, столько сил! Если бы мне прочитали несколько систематических курсов, поработали

со мной, — то, что было сделано за 3-4 года, можно было бы сделать за год. Поэтому я завидую нашим студентам.

Почему я говорю, что мне не хватало учителей? Потому что у меня случился некий разрыв. С одной стороны, были метатеории, методология и философия социологических наук, социологическая классика. К кому я мог обратиться? Я уже был знаком со многими социологами, постепенно более-менее встроился в социологическое сообщество, уже мог что-то обсудить с А.Ф. Филипповым, что-то еще с кем-то, но это касалось общих вопросов. Эмпирические проекты, связанные с исследованием предпринимателей, и обследования домохозяйств развивались в некоторой степени автономно. Это были конкретные вещи, связанные с анализом реформ. Так образовалось мое основное поле — своего рода ядро. Это была экономическая социология. Мы со Шкаратаном написали книжку по стратификации, но уже тогда основной интерес для меня представляла экономическая социология — это совершенно точно. Поэтому «Социальная стратификация» осталась недоделанной. Оказалось, что поле экономической социологии мне поговорить не с кем. К тому времени я успел «понахвататься» и «нахватывался» дальше, но «нахватывался» все более и более систематическим образом. Начал писать книгу — очень сложную, очень интенсивный материал, освоил огромное количество литературы, много вопросов, и многие из этих вопросов мне просто не с кем было обсудить, просто не с кем. Были какие-то отдельные эпизоды... Когда книга была почти готова, я стал общаться с Владимиром Гимпельсоном, он занимается рынком труда и хорошо ориентирован в профессиональной экономико-социологической литературе. С ним было интересно, он знал вещи, которые, быть может, еще я не читал. Но это было исключение. Советские социологи старшего поколения, к которым я относился и отношусь по сей день с искренним уважением, мне уже не могли помочь, потому что, прямо говоря, они этих теорий просто не знали. Люди, с которыми я мог это обсуждать, были моими студентами, учениками, слушателями (в той же Московской школе социальных и экономических наук), а не представителями «старшего» сообщества. Я не могу сказать, что это хорошо. Иными словами, это был индивидуальный проект. Я не варился в собственном соку, но беседовал с книгами, то есть учился через книги, часто не имея возможности «прокрутить» свои вопросы через диалоги. Через диалоги я начал «прокручивать» их позже, когда уже много было написано. Когда у меня сформировался некое представление о предмете, я вышел и сказал: «Я экономсоциолог, сейчас я вам покажу кузькину мать». И начал излагать свое видение экономсоциологии, пользуясь тем, что «поляна» была слабо заполнена. Начал продавливать свои взгляды. Я это не скрываю, это совершенно естественно — нормальная символическая борьба. Это я делаю, собственно говоря, по сей день. Это во многом определило и мои эмпирические работы. Сейчас, конечно, картина сильно изменилась. Я не чувствую себя столь изолированным. В свое время, когда мы были в Институте экономики, было такое впечатление, что кучка энтузиастов, полусумасшедших, непонятно зачем несет тяготы академического труда. И непонятно, что вокруг происходит. Вроде бы происходит полураспад... И никому до этого нет дела — кто-то уезжает, кто-то уходит в коммерцию, в том числе социологическую, экономическую. Работа держалась на упорстве, на принципе: я буду это делать

несмотря ни на что, хоть тресните, я буду это делать. Работа держалась, если не на максимализме, то на «мягком упорстве» При этом я не чувствовал себя встроенным в какое-либо сообщество. Кроме того, я понимал, что хорошими статейками дело не делается. Надо преподавать, надо общаться, участвовать в конференциях. Постепенно у меня появлялось все больше работ, люди меня начали узнавать, повышался авторитет, сформировалось какое-то имя, и мне становилось проще. Я вскоре познакомился со всеми, с кем я хотел. В середине 1990-х годов изменилась и общая ситуация. Стало проще в материальном отношении, больше появилось уверенности.

Мое включение в социологическое сообщество, как я говорил, связано с шанинской школой. Эти несколько десятков человек составили *invisible college*, довольно рваное сообщество, многие уже эмигрировали. При этом я постоянно работал над формированием микросообщества в институте, постоянно кого-то пытался привлечь. Моего упорства многие не понимали: зачем тебе это нужно: пиши себе статейки. Тем не менее, я вкладывал в микросообщества очень много сил. Не могу сказать, что все это оправдалось, но дело выжило. Московская школа сыграла довольно важную роль. Я почувствовал в ней некий способ формирования сообщества профессионально близких людей. Кстати, это сильно повлияло и на отношение к преподаванию. Я человек неромантический, рациональный. Мне в свое время надоело читать экономическую социологию по пятому разу. Меня везде звали: «Почитайте, почитайте, так здорово». Но тиражирование надоедает, и здесь (в Московской школе) я опять почувствовал новый прилив интереса, потому что я увидел во многих слушателях будущих коллег. Некоторые из них стали участвовать со мной в проектах или я брал их на работу. Сейчас со мной в Высшей школе экономики работает человек шесть выпускников Московской школы. В Высшей школе экономики мы формируем некое микросообщество наряду с тем большим профессиональным сообществом, в котором уже ничего поменять нельзя. Здесь я нашел сферу профессионального общения, начались новые проекты. Сложилась ориентация на довольно узкий кадровый круг. По-прежнему, начиная искать человека на какую-то работу, я имею в виду Московскую школу не потому, что я считаю Московскую школу лучше всех. Это достаточно отрефлексированная работа, ориентированная на формирование сообщества. Почему я это делаю, мне трудно сказать, но я делаю это упрямо и тупо. (Слова «упрямо» и «тупо» для меня не случайны — это, скорее, отражение характера, чем просто речевой оборот.) Это нужно делать. Нужно не только писать статьи — что, собственно, является основой профессионального труда, но и работать в сообществе — это очень важная часть нашей профессиональной деятельности. Поэтому я всегда преподавал не только для того, чтобы уложить курс в голову (достаточно один-два раза прочитать, а потом все это превращается в тиражирование). Главное здесь — стимулы для общения с людьми.

Наконец, последний этап — нынешний. У меня произошло серьезное изменение с далеко идущими последствиями, в том числе и печальными, но запрограммированными. Я полностью отдаю себе в этом отчет. Двенадцать лет я работал в Институте экономики Академии наук, при этом имел еще несколько работ (как водится). Я начал с младшего научного сотрудника и последние годы работал заведующим отделом, отвечавшим за «социалку»,

экономическую социологию. В этом отделе работало около 50 человек. Но администрирование не напрягало и не занимало много времени. Я научился справляться, гасить конфликты до их возникновения. Поскольку я нормально отношусь к людям и не стремлюсь утверждаться за их счет (хотя у меня масса других недостатков), люди ко мне нормально относятся. Для руководителя это очень важно. Поэтому у меня всегда складывались хорошие отношения даже с теми людьми, которые считаются конфликтными.

В институте я тратил немного времени. Все мои основные проекты осуществлялись вне института. Это была удобная крыша. Л.И. Абалкин относился ко мне хорошо, меня не трогали, не тягали на безумные доклады сначала в Госплан и ЦК, потом в Газпром и Минэкономики. Это была принципиальная позиция: ни за деньги ни без денег не писать всякой, извините, лабуды. Но где бы я был со своей гордой позицией, если бы директор института не позволял мне это делать. Я трижды благодарен ему. Первый раз он меня взял у своих оппонентов, второй раз дал мне карт-бланш, в третий раз закрыл меня от лабуды. Я знаю точно, ему не раз предлагали заводделом Радаева «задействовать»... Он говорил: «Не трогайте». Ко мне подходили: «Давай, пару страничек напиши — получишь премию». Я отвечал: «Нет, спасибо, птицам деньги не нужны». Хотя деньги мне были нужны, я не хотел с этим связываться. В результате я занимался тем, чем хотел и чувствовал себя очень хорошо.

А теперь что произошло? Я перешел в Высшую школу экономики. Мало того, что я завкафедрой — это, в конце концов, не так сложно, хотя требует усилий. Я стал проректором по научным делам, а Высшая школа экономики — большое учреждение, к тому же растущее, которое требует значительных административных усилий. Я оказался в довольно сложной ситуации. У меня было довольно много проектов. Писал заявки на гранты и почти непременно их получал. Мы делали один проект за другим. У меня масса планов, многое не сделано, лежат не проанализированные данные. И тут я получаю изрядную долю административной работы, связанной с ответственностью и большими временными затратами.

Почему я там оказался? В этом нет ничего удивительного. Меня пригласили в управленческую команду Высшей школы экономики. А что такое управленческая команда Высшей школы экономики? Преимущественно выпускники экономфака. Фактически, все время я был включен в два сообщества: продолжал активно общаться и с экономистами и потом с социологами. Мне было хорошо и там и здесь. И вот я оказался в экономическом сообществе... с административными гирями. Здесь есть серьезное противоречие. Я могу этим заниматься, поскольку есть определенный опыт, с другой стороны, я не очень «балдею» от этого и не особенно радуюсь, потому что по-прежнему считаю своей основной деятельностью исследовательскую работу. В последний год стало очень трудно. Предложения продолжают поступать, у меня без того достаточно и планов и частично выполненных проектов, требующих огромного количества времени. У меня идет чудовищная борьба за время, связанная с не менее чудовищной рационализацией ритма работы, когда пытаешься стиснуть, отвоевать себе не только дни, а часы. Кроме того, какие-то экспертизы, побочные дела... Сейчас в этом смысле у меня период просто критический.

При этом ритм моей научной работы не снизился. Можно взять тексты, которые я подготовил, и посмотреть, что я сделал не меньше, чем делал раньше. У меня сейчас будет мало публикаций на русском, я делал экспортные варианты — достаточно много статей на английском. Но административный прессинг, количество моих полномочий, прямо скажем, вопреки моему желанию потихоньку возрастает. Соответственно, у меня становится все меньше возможности, во-первых, по-человечески общаться с людьми (здесь легко превратиться в машину), а во-вторых, начинает не хватать времени на свое дело. Чем это закончится, трудно сказать. Посмотрим... Последствия малопредсказуемы. Может быть, кризис жанра будет, может быть, что-то другое. Может быть, спокойный уход в интересные дела, в творческую работу.

Важны еще и физические силы. Я пытаюсь себя физически еще поддерживать, продолжаю заниматься спортом, чтобы выдерживать возрастающий ритм. Я всю жизнь занимался многими видами спорта, но сейчас это становится одним из элементов выживания. Иначе можно просто сойти с катушек. Спорт — одна из двух-трех моих «подпорок», которые помогают реабилитироваться в текущем режиме.

Вернусь к профессиональному сообществу. Все-таки организационная работа всегда имела для меня очень важное значение. Все время я состоял в каких-то советах, в комсомоле, в партии, всегда отвечал за организацию научной работы в совете молодых ученых. В университете было научное студенческое общество. В институте я тоже отвечал за науку, аспирантов. В 1990 годы получили развитие новые формы организации. Сначала я ездил на социологические школы как грантополучатель, а потом как организатор. Я очень внимательно к этому относился, тратил на это силы и время, опять же это мне было интересно. Я чувствовал, что я могу на что-то повлиять. В последние годы на школах молодых ученых сформировалось еще одно микросообщество, колледж, но уже межрегиональный. С некоторыми людьми сложились устойчивые отношения. Сформировалась общероссийская сеть. А сеть — это проекты, возможность общения. Я не знаю почти никого из старшего поколения, однако знаю людей своего возраста и чуть моложе, тридцатилетних, некоторые уже кандидаты наук, умеют работать профессионально и самостоятельно. Они постов еще не заняли и в ближайшие несколько лет не займут, но если они удержатся, через какое-то время будут составлять сообщество. Это важная вещь. Этих людей немного, но я знаю конкретно, кто это, и как они работают со всеми плюсами и минусами. Наша Московская школа — тоже часть межрегиональной сети. Зачем мне эта сеть, я не знаю, не собираюсь же я делать полстерскую фабрику. Зачем я организовывал конференцию по экономической социологии, на которую я угрохал массу времени? Амбициозный проект, к счастью, удавшийся, мог провалиться по тысяче причин. Опять же он является частью строительства сообщества. Я вижу в этом профессиональные обязанности, профессиональный долг. Может быть, это просто судьба. Не буду говорить про «Вебиф», но что-то такое есть. Надо делать дело. Выхода нет. Кстати, многие уходили, очень талантливые люди. Им не хватало того, что я называю «драйвом». Почему в первой половине 1990 годов я не ушел, хотя у меня были другие интересные предложения, я бы сказал, что просто у меня был «драйв» и все. Этим все и

объяснялось. Все остальное — частности. С тех пор я довольно тонко чувствую в людях это начало. Умный человек без «драйва» уйдет, а человек, у которого бешеный «драйв», останется. Были ребята очень талантливые. Писали стихи, были намного начитаннее меня (они уже не читали философские книги, а перечитывали их). Но у них не хватало одного — волевого усилия. Не ума, даже не смелости, а волевого усилия не хватает для того, чтобы создать некий связный продукт и выдерживать эту, в какой-то степени бессмысленную, деятельность. Бессмысленную в том смысле, что она «самообосновывающаяся» и может держаться только на волевом усилии, на которое ты способен или не способен. Те, кто оказался неспособными, ушли.

У меня есть некоторое социологическое обоснование профессионального идиотизма. Есть люди, которые ничем другим не могут заниматься. Я же ощущаю себя человеком, который может заниматься разными вещами. Я могу заниматься организационной работой, я могу заниматься чем-то еще. Почему я этим занимаюсь? Это проявление колоссальных амбиций. Я склонен к рефлексии — это меня спасает от мании величия. Но от амбиций никуда не скроешься. В этом есть и элемент спортивного азарта. Да, я занимался спортом, где важно быть первым, я в классе все время был первым. Я должен был выигрывать. Я закончил спортивную школу по лыжным гонкам. Соревнование заложило многие черты характера, когда ты сражаешься с самим собой на лыжне.

Почему же не пойти в политику, в бизнес? Дело в том, что заниматься наукой, исследовательским трудом — это фактически пребывать в праздности. Это звучит чудовищно? Тяжелый профессиональный труд с точки зрения своей функции — определенный род праздного труда, который не имеет жестких утилитарных привязок. И амбиции проявляются именно в том, что ты настолько особенный, что можешь позволить себе заниматься неутилитарными вещами. Это страшно амбициозная позиция. Зато когда спросят: «Зачем ты это сделал», можно ответить: «Потому, что я этого хочу».